

Памяти поэта

Фото из архива «ММ», Евгений Рухмалёв

Справка «ММ»

Сергей Рыков родился 16 февраля 1975 года в Магнитогорске. С 1992-го по 1994-й учился в Магнитогорском строительном колледже на техника-электрика. Посещал литературные семинары Александра Павлова и Олега Хандуса в Магнитогорском лицее.

В 1993 году состоялась первая публикация стихотворений Рыкова в «Магнитогорском металле». В 2004-м он стал лауреатом областного литературного конкурса «Стилисты добра» в номинации «Поэзия».

Поэт публиковался в альманахах «Южный Урал», «Вестник российской литературы», «Транзит-Урал». С 2005 по 2009 год опубликовал три книги стихов – «Моя хрустальная дорога», «Подари мне облако», «Случайный прохожий». Книга «Подари мне облако» была удостоена первой премии областного литературного конкурса «Прекрасен наш союз».

В 2007 году Рыков принят в Союз писателей России. В 2004–2007 годах он руководил молодёжной секцией литобъединения «Магнит», а с марта 2007-го осуществлял общее руководство литературным объединением при газете «Магнитогорский металл». В 2008 году подготовил к изданию коллективный сборник лито «Магнит» «Небо пятое». В 2019-м вышла четвёртая книга поэта «Личный номерочек на ноге».

Сергей Рыков скончался 8 марта этого года после тяжёлой и продолжительной болезни, едва достигнув 45 лет.

Между чудом и разочарованием

Бывает поэзия, читая которую ни на минуту не можешь забыть, что ты обитаешь в чьём-то вымысле, словно сидишь в театре и смотришь спектакль: всё сочинено, а вещи, о которых тебе рассказывают, кем-то когда-то придуманы и сыграны, причём так, что вырывается – не верю. Но бывает и по-другому: слова, живые и настоящие, словно и не придуманные вовсе, обращённые к тебе, как к другу, открыты и откровенны настолько, что забываешь о выдумке. Именно такое впечатление и производит поэзия Сергея Рыкова.

Его лирика, прекрасная отнюдь не сплошь, созерцательная, но не отрешённая, и в то же время достаточно напряжённая, ни на минуту не теряет нерва. Нерв её очень чуткий, тонкий, как ленточка, которую можно прицепить к облаку то ли для того, чтобы повеселиться, то ли для того, чтобы повеситься. Интеллектуальная и эмоциональная магия поэзии, особенно, как в нашем случае, романтически устремлённой, состоит как раз в безуспешных, хотя отнюдь не пустых, попытках создать органически целое из внешне далёкого, разрозненного, даже расколотого.

Ситуация, в которой лирический герой оказывается «между чудом и разочарованием», в поэзии Рыкова очень частая, возможно, даже более частая, чем облюбованная им экзистенциальная граница между жизнью и смертью: «А сегодня поутру / Снились мне синицы. / Может, вскоре я помру / Где-нибудь в больнице. / И не жертвой палача – / А в провисшей койке. / В ней и слёзы, и моча – / Всё в одной настойке. / Буду биться за стеной, / Будто шарик бельгий, / Возвышая мир цветной / Песней неумелой».

Чудо белого шарика и цветного мира, который уже потому, что

цветной, нуждается в песне, дано «в одной настойке» с чувством безвыходности, стены, смерти. Их не разделить, как и песню, улыбку и иронию, отчаяние. Да и кто сказал, что поэзия – это разумная и объяснимая вещь, настойка, при изготовлении которой подлежат смешению только правильные и совместимые ингредиенты? Отказ от разумности и правильности как способов понимать и оценивать мир неизбежно приводит к романтизму, а последний всегда ставит под вопрос цельность «Я», намечает конфликт внутреннего мира человека с его собственным «естеством». И, казалось бы, неизбежны разрыв со всеми, отчуждение от мира. Однако Сергей, несмотря ни на что, всё-таки поэт есенинского склада, в основании своём гармонический, а не трагический. Он может довести своего героя до состояния расколотости «чёрного человека», но обязательно засомневается, заставит очнуться, вернуться на «хрустальную дорогу» тишины. Кстати, в рыковской поэзии тишина – некая универсальная категория, ключ к открытию её внешних и внутренних замков, синоним истинного, справедливого, вечного, настоящего...

Рыков говорит, как дышит, – без примеси эффектности и аффектации, работает в едином ритме, в едином темпе тихого созерцания, монолога без суеты.

«Неслыханная простота» поэзии Сергея Рыкова заключается прежде всего не в его почти программной незатейливости, нежелании формального эксперимента, словесных, звуковых, семантических и прочих игр, не в отсутствии ненужных слов, не в его приверженности будням даже, но в любви к тишине и молчанию о том, о чём, если скажешь вслух, обязательно огорошишь или оглушишь. И почти никаких обобщений. И почти никаких объясняющих смысл названий окончательных вариантов ответа.

Читая рыковские стихи, чувствуешь тоску и знание автора о том, что модартовский, пушкинский, есенинский мир давно искалечен. Гармония утрачена и человеческой

природе давно уже не созвучна. Но также постоянно ощущаешь желание противостоять этому факту, тихое, может быть, даже излишне созерцательное, пассивное. Но ведь такое же желание было, как помнится, и у прекрасного поэта-диагноста Юрия Живаго, творившего «вдали от суеты» в измерении, кем-то исключённых из его эпохи, – собственной совести, вины и свободы. Говоря об этих категориях, Рыков предельно твёрд и мужествен. В тексте «Я не раз сворачивал с дороги, ожидая лёгкого пути...» есть, например, такое и страшное, и бесстрашное признание: «И, вжимаясь в барменскую стойку, / Отвечая только за себя, / Я провидел ледяную койку / И безмолвное дыхание дождя».

Есть ещё один момент, за который можно уважать творчество Рыкова.

В нашу насквозь гламурную, ненатуральную, постпостмодернистскую эпоху и в жизни, и в искусстве, и в литературе существовать, не теряя себя, – большой поступок. Но ещё больший поступок – действенный и настоящий, искренний интерес к кому-то кроме себя, к другому человеку. Всё реже и реже мы готовы воспринимать его и в жизни, и в искусстве сквозь призму его самоценности, а не собственного эгоцентризма. Если коротко, отношения «я–другой» в поэзии С. Рыкова – это способность быть собой и другим одновременно, понимание и даже возвышение его значимости. Неважно, кто этот другой – бабушка, бомж, ветеран, ребёнок, собрат-поэт, любимая женщина... Выходить за пределы себя, понимать другого, проникать в его душу и нервы, в его жизнь и смерть порой невыносимо больно – до слёз, до крови. Но по-другому, видимо, ни жить, ни писать не получается.

Выход за пределы себя, собственной самости, как и за пределы predeterminedного, способность трансцендировать – качества расстрепанного поэта, коими Сергей Рыков обладал в полной мере.

Татьяна Таянова

Поэзия

Сергей Рыков

«Так хочется жить...»

Номера присвоены поэтам,
Будто соревнуются опять.
«Лучшие» висят по кабинетам –
Время поворачивая вспять.
Может быть,
они чуть лучше жили?
Меньше гнили в тундре и тайге?
Но и мы, конечно, заслужили –
Личный номерочек на ноге.

Хрустальная дорога

Из множества земных светил,
Однажды выбранных на ощупь,
Тебя одну я приютил
Иль прикупил...
Так даже проще.
Так проще...
Нежностью горя,
Ты разобьёшься у порога...
Моя печальная заря,
Моя хрустальная дорога.

Давайте, братья, помолчим,
Не выделяя чуждых мнений,
На стыке грёз и поколений,
По доброй воле – помолчим
О том, чтоб завтра на почин...
И не в присутствии конвоя
Лоснилось небо голубое
Созвездием земных лучин.
Давайте, братья, помолчим,
Не зарекаясь от острога,
О том, чтоб вывела дорога

Вдаль от психушек и кручин.
Давайте, братья, помолчим...

Эпитафия поэту

Ты седою своей бороδοю
Подметал тротуары, дворы.
Ничего в этой жизни не стоя,
Ты по жизни катился с горы.

Начиная с привычного тоста –
За друзей, за любимых, родных,
Ты сегодня дошёл до погоста,
Отказавшись от целей земных.

Не имел уваженья и злата
И отхаркивал красную слизь,
И держала в напряге простата
Всю твою подконвойную жизнь.

Памяти Бориса Попова

Средь весенних ветров
и людской суеты
Где-то в дебрях скрывается лето.
И за рамками грёз
прорастают цветы,
Укрывая могилу поэта.

Нет, судьба неспроста
подбирает штрихи,
Отбирая лучинки у света...
...Только б жили стихи –
только б жили стихи –
Выше нету наград для поэта.

В океане любви,
под покровом светил
Зародится достойная смена,

Чтобы кто-то другой
твою песнь подхватил,
Твою душу избавив от плена.

Моей Альфе

Никто так не любил меня,
Как та безродная дворняга...
(На лето к бабке – всё ж родня.)
Она ждала меня, бедняга.
Она любила просто так,
Мы с нею были одноклассники.
Её кормили кое-как,
А я ещё марал колготки.
Она ждала меня весь год,
И я надеялся на встречу.
Она и ныне меня ждёт –
Когда задует мою свечку...

Памяти Юрия Костарева

Дохнула холодом земля,
Лопаты взвыли –
И насадачились поля
По свежесвырытой могиле.

О, как прилипчива она –
В исповедальную дорогу...
И быть посланником до Бога
Поэту грамота дана.

Я купил полбулки хлеба...
До чего же хорошо
Быть свободным перед небом –
В чём родился, в том ушёл.
Умирает в муках барин –
Пропадает серебро.
Я пред богом, как Гагарин –
Оголённое ребро.
Ни заначки, ни заточки –
Только крестик на цепочке.

И детство грело пламенем огня,
Бензином
из оплавленной канистры.
А бабушки, бранившие меня,
На всю округу разносили искры.
И в сотый раз
обласканный шлепком,
Скрываясь от людского взора,
Я наблюдал – открыто и тайком –
Свой огонёк, преобразивший город.

Грешник ты или праведник –
Всё ж надеешься ты на лучшее...
Перед смертью
всегда Бога славили,
Да и так, от случая к случаю.
Уповали на Бога отшельники,
Спину гнули до пола горбатые.
Неустанно молились бездельники,
Невиновные и виноватые,
И блаженные, и учёные,
Вертухаи и заключённые.

Под ногами слякоть,
В кошельке голяк...
Хочется заплакать –
Открыто, как сопляк.
Топчетесь ворона
В тающем снегу.
Не было гондона
У папы на лугу...

Без претензий на сложное –
Делаешь невозможное.
Хотя ждать вроде нечего –
От прошедшего вечера.
Не всегда получается,
Но не стоит печалиться.
Шкура, с виду, – ослиная,
А душа – журавлиная...

В жизни у меня есть койко-место,
Больше не осталось ничего...
Это ложь, что не бывает тесно.
Ложь, что не бывает тяжело.

Кто-то скажет:
есть за всё расплата –
Всё твои вчерашние грехи.
Если я пред кем-то виноватый,
То лишь в том, что я пишу стихи.

Знаю, что рифмую просто,
Но не извиваюсь и не лгу.
Человеком маленького роста
Я по краю пропасти бежу...

И птицы улетят на юг,
Презрев границы
воздушные затворы.
А самолёты, завершая крюк,
Частенько задевают горы.

И дело вовсе даже не в горах,
Ведь самолёт
подняться может выше.
Летающему домой – неведом страх.
И звёздный путь
рассыпался по крышам.

Знаешь, так хочется жить,
Без поминальных свечей.
Если дружить, так дружить,
Не пряча счастливых очей.

Если любить, так всласть,
И видеть вокруг красоту.
И если случайно упасть,
То только не в пустоту.

А коли придёт беда
И понесут за порог,
Пусть это будет – среда,
Прохладно и ветерок.